

ВДАЛИ

ЭРНАН ДИАЗ

Москва
2025

УДК 821.111
ББК 84
Д44

Hernan Diaz
IN THE DISTANCE

© 2017 Hernan Diaz
First published by Coffee House Press
Translation rights arranged by The Clegg Agency, Inc., USA.

Фото автора *Pascal Perich*

Перевод с английского *Сергея Карпова*
Дизайн обложки и иллюстрация *Виктора Лукьянова*
Дизайн макета *Анны Анциферовой*

Д44 **Диаз, Эрнан.** Вдали : [роман] / Эрнан Диаз; [пер. с англ. С. Карпов]. — Москва: Строки, 2025. — 304 с.— (Строки. Top-Fiction).

ISBN 978-5-00216-243-7

Молодой шведский иммигрант оказывается совершенно один и без гроша в кармане в Калифорнии. Он знает на английском два слова — «Америка» и «Нью-Йорк» — и именно там, верит герой, он сможет найти своего брата.

Так начинается его многолетнее путешествие на Восток, пока все вокруг продвигаются на Запад. Ученые и преступники, золотоискатели, индейцы и религиозные фанатики — они ищут приключений и наживы, но это не его путь.

УДК 821.111
ББК 84

ЧИТАЙТЕ В СТРОКАХ

© Диаз Э., текст, 2025
© Карпов С., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Строки, 2025

Посвящается Энн и Эльзе

Только дыра, ломаная звезда во льду нарушала белизну равнины, сливавшейся с белым небом. Ни ветра, ни жизни, ни звука.

Из воды показались руки, нашарили края угловатой проруби. Ищущие пальцы не сразу взобрались по толстым стенкам, напоминавшим утесы миниатюрного саѣон*, и нашли путь на поверхность. На кромке они впились в снег и напряглись. Вынырнула голова. Человек раскрыл глаза и взглянул на ровный простор без признаков горизонта. Его длинные белые волосы и бороду пронизывали пряди соломенного цвета. Ничто не выдавало в нем волнения. Если он и запыхался, пар его выдыхов сливался с бесцветным фоном. Он оперся локтями и грудью на неглубокий снег и оглянулся.

С палубы шхуны, застрявшей во льду в нескольких сотнях метров, на него смотрели с дюжину обветренных

* Саѣон (исп.) — каньон. Здесь и далее прим. пер.

бородатых мужиков в мехах и штормовках. Один что-то гаркнул, но донеслось только неразборчивое бормотание. Смех. Пловец сдул каплю с кончика носа. На фоне насыщенной, детальной действительности выдоха (и снега, хрустящего под локтями, и воды, лижущей край проруби) слабые отголоски со шхуны сочлились словно из сна. Забыв о приглушенных возгласах экипажа и все еще не отпуская кромки, пловец отвернулся от корабля и вновь вгляделся в белую пустоту. Все, что он видел живого, — свои руки.

Он подтянулся из дыры, взял топор, которым прорубал лед, помедлил — обнаженный, щурясь на яркое небо без солнца. Он был словно старый сильный Христос.

Утерев лоб тыльной стороной ладони, он наклонился за ружьем. Только тогда проявился в полную меру его рост, до сих пор терявшийся на фоне голой бескрайности. Ружье в его руке казалось не больше игрушечного, и, хоть он держал его за ствол, приклад не касался земли. В сравнении с ружьем топор на плече оказался подлинной секирой. Обнаженный мужчина был огромен, насколько только возможно быть огромным, оставаясь человеком.

Он всмотрелся в следы на пути к ледяной ванне, и двинулся по ним к кораблю.

Неделей ранее, наперекор советам большей части экипажа и самых категоричных пассажиров, молодой и неопытный капитан «Безупречного» вошел в пролив, где корабль затерли неприкаянные глыбы льда, схватившиеся после метели и тяжелых заморозков. Уже наступил апрель, и метель лишь прервала оттепель, длившуюся уже несколько недель, а потому самыми страшными последствиями стали нормирование провизии, скужающая

и вспыльчивая команда, ворчливые старатели, не находящий себе места от волнения торговец из компании по доставке льда «Сан-Франциско кулинг компани» и подмоченная репутация капитана Уистлера. Если бы корабль освободила весна, она бы подвергла риску и его задачу: шхуна шла в Аляску забрать лосося и мех, а затем, будучи зафрахтованной «Кулинг компани», — лед для Сан-Франциско, Сандвичевых островов и, быть может, даже Китая и Японии. Не считая команды, большинство людей на борту были старателями, которые отрабатывали свой проезд, отбивая и обтесывая глыбы от ледников, перевозя их на телегах и загружая в переложенный соломой трюм, укрывая шкурами и брезентом. Возвращение на юг в согревающихся водах сократило бы объем их груза. Кто-то заметил вслух, как необычно видеть заледеневший перевозчик льда. Никто не рассмеялся, и больше об этом не заговаривали.

Голый пловец был бы еще выше, если бы не его колченовость. Ступая только на внешние стороны ступней, словно по острым камням, сутулясь и покачивая плечами для равновесия, он медленно продвигался к кораблю с ружьем на спине и топором в левой руке и в три ловких движения вскарабкался на корпус, ухватился за поручень и перескочил на палубу.

Мужчины, притихнув, делали вид, что отвернулись, но сами не могли не коситься краем глаза. Хотя одеяло лежало все там же, где он его оставил, в нескольких шагах от него, он замер на месте, глядя за борт, поверх всех голов, как будто был совсем один и на его теле не замерзала вода. Он был единственным беловласым на корабле. Сухощавый, но мускулистый, он словно достиг некоего

удивительно здорового истощения. Наконец пловец завернулся в домотканое одеяло, по-монашески накрыв голову, прошел к люку и скрылся под палубой.

— Так, значит, говорите, эта мокрая утка и есть Ястреб? — произнес один старатель, сплюнул за борт и рассмеялся.

Если первый смех, когда высокий пловец еще стоял на льду, был общим гоготом, то теперь — робким раскатом. Лишь несколько человек застенчиво хмыкнули, а большинство предпочло не слышать слов старателя, не видеть его плевков.

— Идем, Манро, — тянул его за руку, уговаривая, один из товарищей.

— Да он даже ходит, как утка, — не унимался Манро, стряхнув руку друга. — Кря-кря, желтопузая утка! Кря-кря, желтопузая утка! — распевал он, ковыляя по кругу и подражая походке пловца.

Теперь лишь двое его товарищей хихикнули себе под нос. Остальные держались от острья как можно дальше. Некоторые старатели сгруппировались возле умирающего коистра, что пытались поддерживать на корме, — поначалу капитан Уистлер запрещал открытый огонь на борту, но, когда стало ясно, что их затерло надолго, униженному офицеру уже не хватало авторитета. Пассажиры постарше были из партии, возвращавшейся на рудники, которые им пришлось оставить в сентябре, когда земля превратилась в камень. Самому юному из них — единственному на борту без бороды — не исполнилось и пятнадцати. Он рассчитывал влиться в другую группу старателей, надеясь озолотиться на рудниках севернее. Аляска была совсем новой, слухи — дикими.

С другого конца корабля послышался шум перепалки. Манро одной рукой схватил плюгавого старателя за грудки, не выпуская из второй бутылку.

— Мистер Бартлетт любезно угощает всех на борту, — объявил он. Бартлетт корчился от боли. — Из своего погребка.

Манро щедро отхлебнул, освободил жертву и пустил бутылку по кругу.

— А это правда? — спросил паренек, поворачиваясь обратно к товарищам. — Истории. О Ястребе. Это правда?

— Какие? — спросил один из старателей. — Что он забил людей из братства насмерть? Или про черного медведя в Сьерре?

— Ты хотел сказать, про льва, — перебил его беззубый. — Горный лев. Убил его голыми руками.

Мужчина в драном двубортном пальто, прислушивавшийся к разговору в паре шагов позади, сказал:

— Он когда-то был вождем. В Нациях*. Вот откуда у него прозвище.

Понемногу разговор привлек и остальных на палубе, и вот уже большинство собрались вокруг первой компании на корме. И каждому было что прибавить.

— Союз** предложил ему собственную землю, как штат, со своими законами и прочим. Лишь бы его утихомирить.

* Пять наций, или Пять цивилизованных племен, — союз пяти индейских народов, установивших к началу XIX века хорошие отношения с поселенцами. Существуют до сих пор на Индейской территории, ныне — востоке штата Оклахома.

** Союз — название федерации 24 северных штатов в период Гражданской войны в США (1861–1865).

— Он такой косолапый, потому что ему клеймили ступни.

— Его возвращения в краю саѣоны ждет целая армия скальных индейцев*.

— Его предала собственная банда, и он их всех убил.

Истории множились, и скоро разговоры шли внахлест, росли в громкости вместе с наглостью и завиральностью перечисляемых поступков.

— Ложь! — рявкнул подошедший Манро. Он был пьян. — Все ложь! Вы сами на него гляньте! Или вы его не видели? Старый трус. Да я справлюсь с целой стаей ястребов одним махом. Как с голубями! Бах-бах-бах! — Он обстрелял небо из невидимого ружья. — Одним махом. Подавайте сюда этого, этого, этого, этого бандита, этого, этого, этого, этого вождя. Одним махом! Все ложь.

В палубе со скрипом открылся люк. Все притихли. Из него с трудом показался пловец и, словно хромой колосс, сделал несколько тяжелых шагов к людям. Теперь на нем были штаны из сыромятной кожи, заношенная блуза и обернутые вокруг тела неопознаваемые меха, накрытые шубой, сшитой из шкурок рысей и койотов, бобров и медведей, карибу и змей, лисиц и луговых собачек, коати и пум и прочих неведомых зверей. Тут и там болтались морда, лапа, хвост. На спине висела капюшоном пустая голова крупного горного льва. Разношерстность животных, пошедших на эту шубу, как и разное состояние лоскутов, намекали и как долго ее делали, и как далеко странствовал ее хозяин. В руках он держал по половине полена.

* Скальные индейцы — обитатели поселений-пуэбло, высеченных в утесах на юге Соединенных Штатов и в Мексике.

— Да, — сказал он, ни на кого не глядя. — Почти все это ложь.

Все быстро отступили от невидимой линии, пролегшей между Манро и человеком в меховой шубе. Рука Манро зависла над кобурой. Так он и стоял с ошалелой мрачностью, присущей очень пьяным и очень испуганным.

Великан вздохнул. Он выглядел невероятно уставшим.

Манро не шевелился. Пловец снова вздохнул и внезапно — никто и моргнуть не успел — с оглушительным грохотом ударил одним поленом о другое. Манро рухнул на палубу и свернулся клубком; остальные отшатнулись или вскинули руки к голове. Когда хлопок отгремел и развеялся по равнине, все принялись озираться. Манро так и лежал на палубе. Затем он опасливо поднял голову и встал на ноги. Пунцовый, не в силах оторвать взгляд от своих сапог, он скрылся за спинами товарищей и в люке корабля.

Титан так и держал поленья на весу, словно они еще дрожали, а потом прошел через расступающихся людей к измученному огню. Извлек из шубы каболку и просмоленную парусину. Побросал растопку на угли, следом — полено, а другим разворошил угли, после чего отдал пламени и его, взметнув в темнеющее небо вихрь искр. Когда сияющий смерч утих, великан стал греть над огнем руки. Зажмурившись, слегка склонился к нему. В медном свечении он выглядел моложе и словно удовлетворенно улыбался — хотя то могла быть и мина, которую вызывает на лице сильный жар. Люди начали рассасываться с обычным сочетанием почтения и страха.

— Оставайтесь у огня, — тихо произнес он.

Он обратился к ним впервые. Люди, приросшие к месту, колебались, словно взвешивая равно пугающие возможности — подчиниться или нет.

— Почти все ложь, — повторил он. — Не все. Почти все. Мое имя, — сказал он и сел на бочонок. Опустил локти на колени, лоб — на ладони, сделал глубокий вдох, а потом расправил плечи — уставший, но царственный. Старатели и матросы оставались на своих местах, не поднимая глаз. Из толпы подкатил бочонок юнец. Дерзко поставил его поближе к верзиле и сел. Возможно, тот одобрительно кивнул, но до того мимолетно и почти незаметно, что мог и просто склонить голову.

— Håkan, — сказал он, глядя в огонь и произнося первую гласную как «у», немедленно перетекавшую в «о», а потом в «а», не последовательно, а в переливе или дуге, так что на миг все три звука были едины. — Håkan Söderström. Фамилия ни разу не пригодилась. Никогда не пользовался. И никто не может произнести имя. Когда я сюда прибыл, я не говорил по-английски. У меня спрашивали имя. Я отвечал: «Хокан». — При этом он положил ладонь на грудь. — Они переспрашивали: «Хоук кэн»? «Ястреб, может»? Что может ястреб? Что ты можешь? Пока я научился говорить и объяснять, уже стал Ястребом.

Казалось, Хокан говорит с огнем, но не возражает, чтобы слушали остальные. Сидел только юнец. Одни не сдвинулись с места; другие украдкой рассеялись в сторону носа или под палубу. Наконец около полудюжины человек приблизились к огню, рассевшись на подтащенных бочках, ящиках и тюках. Хокан замолк. Кто-то достал лепешку жевательного табака и карманный ножик, старательно отмерил кусок и, рассмотрев жвачку, будто са-

моцвет, заложил себе за щеку. Между тем кругом Хокана собирались слушатели, пристраивались на самом краю импровизированных сидений, готовые вскочить, как подурнеет настроение великана. Один предложил кислый хлеб и лосося; другой — картошку и рыбий жир. Еду пустили по кругу. Хокан отказался. Угощаясь, люди словно бы успокаивались. Никто не говорил. Небо по-прежнему не отличалось от земли, но оба теперь посерели. Наконец, пошерудив в огне, Хокан заговорил. С долгими паузами и иногда — едва слышно, он будет говорить до рассвета, обращаясь только к огню, словно его слова надо сжечь, стоит их промолвить. Впрочем, временами казалось, что обращается он к пареньку.

1

Хокан Седерстрем родился на ферме к северу от озера Тистнаден*, в Швеции. Его семья возделывала истощенный клочок земли, принадлежащий одному богачу, которого они никогда не видели, — он регулярно забирал свою долю урожая через управляющего. Год за годом случался неурожай, и землевладелец сжал хватку, вынудив Седерстремов прозябать на грибах и ягодах, что они собирали в лесах, да угрях и щуках, что они ловили в озере (где Хокан с подачи отца и взял в привычку ледяное купание). В том краю такую жизнь вели многие семьи, и за годы, пока все больше соседей снималось с места, чтобы попытать счастья в Стокгольме или дальше на юге, Седерстремы отбивались от людей, пока не потеряли с ними всю связь — кроме управляющего, приезжавшего несколько раз в год с поборами. Младший и старший

* Tystnaden (шв.) — букв. «Молчание». Озера с таким названием не существует.

сыновья заболели и умерли, и остались только Хокан и его брат Лайнус, четырьмя годами старше.

Они жили бирюками. По многу дней в доме не проносили ни слова. Мальчишки как можно больше времени проводили в лесах или на заброшенных фермах, где Лайнус рассказывал Хокану сказку за сказкой — о приключениях, которые он якобы пережил, о похождениях, которые он якобы слышал из первых уст от их героических участников, о далеких краях, которые он будто отлично знал. Учитывая их обособленность — и то, что ребята не умели читать, — источником всех тех историй могло быть лишь одаренное воображение Лайнуса. И все же, как бы они ни были невероятны, Хокан ни разу не усомнился в словах брата. Быть может, он так доверял ему потому, что Лайнус всегда безоговорочно за него заступался и без колебаний принимал на себя обвинения и побои за любые мелкие проступки. Что там, без Лайнуса бы он наверняка умер — это брат всегда следил, чтобы ему было что поесть, поддерживал огонь в доме, когда уезжали родители, и развлекал младшего сказками, когда припасы и топливо подходили к концу.

Все изменилось, когда забрюхателя кобыла. В один из своих недолгих визитов управляющий велел Эрику, отцу Хокана, проследить, чтобы роды прошли как следует: от голода пало уже слишком много лошадей, и хозяин был бы доволен прибавлением к своему редющему табуну. Время шло, кобыла необычайно раздалась. Эрик не удивился, когда она ожеребилась двойней. И тогда — быть может, первый раз в жизни — решился на ложь. Вместе с мальчишками он расчистил поляну в лесу и построил тайный загон, куда и перевел одно-

го жеребенка, как только его отлучили от матери. Через несколько недель приехал управляющий и забрал его брата. Эрик скрывал жеребенка, растил его крепким и здоровым. Когда подошло время, продал его мельнику в далеком городе, где Эрика никто не знал. В вечер возвращения он объявил сыновьям, что через два дня они отбывают в Америку. Денег хватило только на два билета. Но он и не собирался сбежать, как преступник. Мать ничего не сказала.

Хокан и Лайнус, не видевшие город даже на картинке, поспешили в Гетеборг, надеясь там перебыть день-другой, но добрались только к самой отправке корабля в Портсмут. На борту они поделили между собой деньги на случай, если с кем-то из них что-нибудь случится. В дороге Лайнус рассказывал Хокану обо всех чудесах, что ждут их в Америке. На английском они не говорили, и потому название города, куда они направлялись, для них было умоизрядительным талисманом: Nujärk.

Они прибыли в Портсмут куда позже обещанного, и все поскорее расселись в шлюпки, доставлявшие на берег. Стоило Хокану и Лайнусу ступить на пристань, как их затянул поток людей, бурливший на главной дороге. Они шли бок о бок, чуть ли не вприпрыжку. Время от времени Лайнус объяснял брату разные странности вокруг. Оба старались не упустить из виду ни одной детали, пока искали свой следующий корабль, отбывавший в тот же день. Купцы, благовония, татуировки, фургоны, скрипачи, шпили, моряки, молоты, флаги, дым, попрошайки, тюрбаны, козы, мандолина, краны, жонглеры, корзины, мастера-парусники, рекламные щиты, шлюхи, трубы, свистки, орган, ткачи, кальяны, старьевщики, перец,

куклы, кулачные бои, калеки, перья, колдун, обезьяны, солдаты, каштаны, шелк, плясуны, какаду, проповедники, окорока, аукционы, гармонист, игральные кости, акробаты, колокольни, ковры, фрукты, бельевые веревки. Хокан посмотрел направо — а брата уже не было.

Они только что миновали компанию китайских мореходов, рассеявшихся за трапезой, и Лайнус рассказывал брату об их стране и традициях. Они шли дальше с распахнутыми ртами и глазами, разглядывая картины вокруг, а когда Хокан повернулся к Лайнусу, тот пропал. Хокан огляделся, вернулся, прошел от бордюра до стены, забежал вперед, а потом к месту их высадки. Шлюпка уже ушла. Он вернулся туда, где они разлучились. Залез на ящик, задыхаясь и дрожа, кричал имя брата и смотрел на поток людей. Соленая пена на языке быстро разошлась онемением и покалыванием по всему телу. Не в силах остановить дрожь в коленях, он бросился к ближайшему пирсу и спросил каких-то моряков в швертботе о Nujårk. Они не поняли. После многих попыток он попробовал сказать «Amerika». Это они поняли сразу, но покачали головами. Хокан шел от пирса к пирсу, спрашивая об «Amerika». Наконец, после нескольких неудач, кто-то ответил «Америка» и показал на шлюпку, а потом — на корабль, стоящий на приколе в трех кабельтовых от берега. Хокан заглянул в шлюпку. Лайнуса в ней не было. Может, он уже на борту. Моряк протянул Хокану руку, и он спустился.

Как только он причалил к судну, кто-то потребовал и забрал его деньги, потом провел в темный уголок под палубой, где меж коек, сундуков, бухт и бочек, под мотающимися на балках и рым-болтах фонарями

шумные кучки эмигрантов пытались притулиться и занять на долгую поездку пяточок провонявшего капустой и стойлом помещения. Он поискал Лайнуса среди силуэтов, искаженных дрожащим светом, пробираясь мимо вопящих и спящих младенцев, смеющихся и изможденных женщин, крепких и рыдающих мужчин. С возрастающим отчаянием он вырвался обратно на палубу, против колыхающейся толпы и деловито снующих матросов. С корабля уходили посетители. Трап убрали. Он выкрикнул имя брата. Поднялся якорь; корабль сдвинулся; заревела толпа.

Спустя несколько дней после отплытия его, голодного и в жару, нашла Айлин Бреннан и вместе с мужем Джеймсом, углекопом, выхаживала, как собственного ребенка, ласково заставляла есть и в конце концов подняла на ноги. Он отказывался говорить.

Через некоторое время Хокан наконец вышел из каюты, но сторонился любого общества и дни проводил, разглядывая горизонт.

Хотя они вышли из Англии весной, а теперь настала летняя пора, с каждым днем холодало. Шли недели, а Хокан так и не произносил ни слова. Вскоре после того, как Айлин подарила ему бесформенный плащ, сшитый из тряпья, они увидели землю.

Корабль вошел в необычно бурые воды и бросил якорь перед бледным низкорослым городком. Хокан смотрел на здания выцветших розовых и охровых оттенков в напрасных поисках ориентиров, о которых рассказывал Лайнус. Между кораблем и берегом цвета глины сновали шлюпки, груженные ящиками. Никто не высаживался.

Заволновавшись, Хокан спросил слонявшегося без дела матроса, не Америка ли это. Это были его первые слова с тех пор, как он выкрикнул имя брата в Портсмуте. Моряк ответил, что да, это Америка. Сдерживая слезы, Хокан спросил, Нью-Йорк ли это. Моряк смотрел на губы Хокана, когда он вновь издал эту массу расплавленных звуков:

— Nujårk?

Досада Хокана росла, но наконец на лице матроса расплылась улыбка и переросла в хохот.

— Нью-Йорк? Нет! Не Нью-Йорк, — сказал он. — Буэнос-Айрес. — И снова рассмеялся, одной рукой хлопая по колену, а другой схватив Хокана за плечо.

Тем вечером они отплыли.

За ужином Хокан попытался выяснить у ирландской семьи, где они и долго ли еще до Нью-Йорка. Поняли они друг друга не сразу, но в конце концов сомнений не осталось. Благодаря жестам и кусочку графита, которым Айлин набросала грубую карту мира, Хокан осознал, что они в целой вечности от Нью-Йорка — и с каждым мгновением уходят все дальше. Он увидел, что они плывут на край света, чтобы обойти мыс Горн и направиться на север. Тогда он впервые услышал слово «Калифорния».

После бурных вод у мыса Горн погода смягчилась, пассажиры оживились. Строились планы, обсуждались перспективы, били по рукам новые партнеры и артели. Впервые прислушавшись к этим разговорам, Хокан понял, что у большинства пассажиров на уме одно: золото.

Наконец они бросили якорь в удивительно оживленном с виду порту-призраке: он был полон полузатопленных кораблей, разграбленных и брошенных командами,

которые целиком дезертировали на золотые прииски. Но теперь обветшавшие суда заняли новые жильцы, даже превращали их в плавучие таверны и лавки, где торговали с новоприбывшими старателями, обдирая их как липку. Между этими импровизированными заведениями ходили ялики, баржи и плоты с покупателями и товарами. Ближе к берегу медленно вращались в мель суда покрупнее, застывшие в причудливых положениях, как их раскидали приливы. Здесь многие корабли намеренно и не очень сели на мель и теперь стали пристанищем для магазинов с пристроенными к ним подмостками, подсобками и лачугами, благодаря чему вытянулись на сушу, к городу. За мачтами между прокопченными деревянными домами стояли большие коричневые шатры — город то ли только что вырос, то ли только что рухнул.

Минули месяцы со времен их отправки, но к тому времени, как они пристали в Сан-Франциско, Хокан повзрослел на годы: долговязый мальчуган вымахал в высокого юнца с грубым лицом, дубленным солнцем и соленым ветром, морщинистым от постоянного прищуря, преисполненного как сомнений, так и решимости. Он штудировал карту, которую нарисовала для него графитом ирландка Айлин. Невзирая на то, что ему бы пришлось преодолеть целый континент, он все же решил, что самый быстрый путь к воссоединению с братом — по суше.

2

Бреннаны уговаривали Хокана присоединиться к их золотоискательной экспедиции. Они все равно собираются вглубь континента, а им не помешают лишние руки — тащить снаряжение. Еще они надеялись, что он некоторое время поработает с ними — ему понадобятся деньги, чтобы добраться до Нью-Йорка, а им понадобится помощь, когда они найдут золото и застолбят участок. У них хорошие шансы, уверяли они, ведь Джеймс раньше добывал уголь и был сведущ в рудах. Хокан согласился. Как бы он ни рвался отправиться в путь пораньше, он все же понимал, что ему не пересечь весь континент без лошадей и провианта. Он несколько не сомневался, что брат уже добрался до Нью-Йорка: Лайнус был слишком умен, чтобы потеряться. И хотя они не предусмотрели такое положение дел, встретиться они могли только в Нью-Йорке — просто потому, что только это название во всей Америке и знали. Хокану оставалось туда добратся, а там уж его найдет Лайнус.

Стоило высадиться, как Бреннаны поняли, как мало стоили их сбережения. Сбруя в Калифорнии шла по цене коня в Ирландии; буханка хлеба — по цене бушеля пшеницы. Дома они распродали все свои пожитки, но здесь этого едва хватило на двух старых ослов, тачку, кое-какие припасы и кремневое ружье. Вскоре после высадки Джеймс — с полупустыми руками, ожесточенный — повел семью вглубь суши.

Без Хокана их небольшая партия не ушла бы далеко: один осел скоро распух и издох, после чего навьючили уже паренька. Он даже смастерил себе что-то вроде ярма — из кожи, бечевки и досок, — чтобы легче было тащить тачку в гору. В ней по очереди катились дети. Несколько раз в день Джеймс останавливался, читал землю и уходил прочь один, следуя одному ему видимым знакам. Затем он ковырял камень или промывал почву, изучал результат, бормоча под нос, и жестом приказывал двигаться дальше.

Америка не произвела на Хокана большого впечатления. Наслушавшись историй Лайнуса, он уже ожидал увидеть сказочное, неземное царство. Хоть он и не знал названий деревьев, не узнавал птичьи песни и дивился красным и синим оттенкам бесплодной земли, все здесь (растения, животные, скалы) складывалось в действительность, хоть и незнакомую, но принадлежавшую к миру возможного.

Они молча шли через нескончаемую полынь, чье однообразие время от времени прерывалось сворами псов или деловитыми пугливыми грызунами. Джеймс так ни разу и не подстрелил зайца, но редко промахивался по тетереву. Дети носились вокруг тачки и осла, выискивали

блестящие камешки, отдавая их на изучение отцу. В дороге они собирали хворост для костра, возле которого Айлин по вечерам хлопотала над руками и плечами Хокана, покрытыми жуткими мозолями от рукояток и сбруи тачки, и читала семье Библию на ночь. Это был тяжелый путь, испытывавший скорее терпение, чем смелость.

Миновав лес гигантских деревьев (вот единственное, что хоть как-то сходилось с завиральными американскими описаниями Лайнуса), они встретили немногословного косматого траппера в заляпанной охотничьей шубе, а несколько дней спустя — первые лагеря старателей. Они проходили скромные поселения — скопления шатких брезентовых шалашей да кривых срубов, крытых мешковиной, под охраной враждебных старателей, ни разу не пригласивших посидеть у костра или напиться воды. Те мелочи, что просила семья (еду для детей, гвоздь для тачки), шли по заоблачным ценам, а расплатиться можно было только золотом.

Хокан с трудом понимал разрозненные обрывки тех разговоров — редкие слова и в лучшем случае общие намерения. Для него английский все еще оставался оползнем слякотных, сопливых звуков, не существовавших в его родном языке: r, th, sh и какие-то исключительно студенистые гласные. Frawder thur prueless rare shur per thurst. Mirtler freckling thow. Gold freys yawder far cration. Crawl fry rackler friend thur. No shemling keal rearand for fear under shall an frick. Folger rich shermane furl hearst when pearsh thurlow larshes your morse claws. Clushes ream glown roven thurm shalter shirt. Earen railing hole shawn churl neaven warver this merle at molten rate. Clewd other joshter thuck croshing licks lurd and press rilough lard. Hinder plural shud regrout crool

ashter grein. Rashen thist loger an fash remur thow rackling
potion weer shust roomer gold loth an shermour fleesh. Raw
war sheldens fractur shell crawls an row per sher*. Поначалу
Бреннаны (особенно Айлин) еще пытались растолковы-
вать свои планы, но в конце концов махнули рукой. Хо-
кан шел за ними без вопросов. В основном они держали
на восток — а большего ему было и не нужно.

Сторонясь остальных старателей, Джеймс отказался
идти тонкой тропинкой в горы. Они попытались найти
свою дорогу через долины и низкие холмы, но тачка оказа-
лась слишком неуклюжей для этих мест. Их занесло в край,
где не росла трава и почти не было воды. Кожа на руках
и плечах Хокана (где лежали кожаные ремни, чтобы тянуть
тачку) по большей части стерлась, и обнаженное мясо,
бледно-розовое, поблескивало под вязким медово-желтым
лаком скорого заражения. На одном крутом спуске повяз-
ки, которые Айлин наложила ему на руки, соскользнули,
шероховатые рукоятки ожгли натруженные ладони, сры-
вая мозоли, пронзили мясо десятками заноз, вынудив его
разжать пальцы. Тачка понеслась вниз с растущей скоро-
стью — сперва катилась, затем кувыркалась и, наконец, вы-
делывала с удивительным изяществом сальто и пируэты,
пока не разбилась вдребезги о валун. Хокан лежал на кам-
нях почти без чувств от боли, но Бреннаны не спешили ему
помочь, уставившись на тропу из разбросанных по склону
пожитков, замороженные катастрофой. Наконец Джеймс
пришел в себя, налетел на Хокана и пинал его в живот
с криком — криком бессловесным, животным завыванием.

* Авторский прием: с помощью набора звуков он передает ощущение героя от чужого языка и среды.

Айлин каким-то чудом уняла мужа, и он повалился на песок, рыдая и пуская слюни.

— Ты не виноват, — повторяла Айлин Хокану снова и снова, помогая ему подняться и осматривая его ладони. — Ты не виноват.

Они собрали вещи, встали на привал у ближайшего ручья и попытались заснуть у хилого костра, отложив разговор о будущем на утро.

В нескольких днях пути от них находился город, но им не хотелось уходить, бросив все вещи. Послать Хокана за помощью было нельзя, а оставлять его с женой, детьми и имуществом Джеймс отказывался. Добрый ирландец, поднявшийся на борт в Портсмуте, исчез: с тех пор как они пристали в Сан-Франциско, он потемнел от разочарований и на глазах стал злобной и недоверчивой тенью прежнего себя.

Погрузившись в раздумья, Джеймс побрел с лотком к ручью — скорее по привычке, нежели на что-то надеясь, — и рассеянно погрузил его в воду, что-то бормоча себе под нос. Подняв лоток, он не мог отвести от него глаз, словно смотрел в зеркало, но не узнавал лица. И тут — второй раз за два дня — зарыдал.

Так Хокан впервые увидел золото, и крошечные самородки разочаровали его своей невзрачностью. Кварц и даже пластинки слюды на любом обычном камне и то смотрелись интереснее этих матовых мягких крошек. Но Джеймс был уверен. Для проверки он положил бледно-желтую горошину на валун и ударил камнем. Она была мягкой и не разбивалась. Вне всяких сомнений — золото.

Пройдя от места находки к горе, Джеймс врубился киркой в оползающий склон холма у речного берега.

Семья наблюдала. Через какое-то время он остановился, поплевал на камень, потер кончиками пальцев. Внезапно спав с лица и задыхаясь, он поплелся на заплетающихся ногах, как бескрылая птица, к детям, подтащил их к склону и попытался объяснить, что нашел. С закрытыми глазами он показывал на небо, на землю и, наконец, себе на сердце, и стучал по нему, твердя одну и ту же фразу. Хокан разобрал только слово «отец». Детей перепугал восторг Джеймса, а когда он схватил младшего за плечи и довел до слез пылким монологом, пришлось вступить-ся Айлин. Джеймс не замечал, как на него смотрит семья. Так и не прерывал свою горячую речь, обращенную к камням, равнинам и небесам.

Следующие недели во многом напоминали жизнь Хокана в Швеции. По большей части он занимался собирательством и охотой, надолго уходя с детьми, как когда-то с братом. Было ясно, что Джеймс не хочет подпускать его к прииску. Он доверял Хокану только черную, грубую работу, чтобы держать подальше от процесса добычи: откатывать валуны, лопатить землю и, наконец, прорыть канал от ручья к прииску. Сам Джеймс в одиночку вкалывал с киркой, долотом и молотком, заползал в норы и горбился над камешками, плевал на них и протирал подолом рубахи. Он копал от заката до глубокой ночи, когда его глаза пересыхали и наливались кровью от долгого труда при слабом свете двух коптилок с плоскими фитилями. Закончив на день, он пропадал во тьме — видимо, припрятывал золото, — а потом возвращался в лагерь поужинать и упасть без сил у костра.

Жилось все хуже. Джеймс, погрузившись в работу, не отвлекался, даже чтобы соорудить укрытие для

семьи; Хокан попытался возвести шаткую хижину, но она годилась разве что для детских игр. Они были открыты всем ветрам, их одежда изнашивалась, а раскрасневшуюся кожу под лохмотьями покрывали волдыри. У Айлин и детей, очень белокожих, даже пошли змеиной чешуей губы, ноздри и мочки ушей. Джеймс не хотел привлекать внимания к руднику выстрелами из ружья, поэтому пополнять тающую на глазах провизию оставалось только мелкой дичью — большей частью тетеревами, такими непугаными, что, как скоро выяснилось, дети могли просто подойти и размозжить им голову дубиной. Айлин тушила птицу в густом горько-сладком соусе из какой-то разновидности черники, которую Хокан больше не видел ни разу за свои странствия. Дети целыми днями гуляли с ним, ускользая от вялых попыток матери их обучать. Джеймс, работая без перерывов и почти без перекусов, превращался в отошавшего призрака, и глаза — одновременно рассеянные и сосредоточенные, словно видели мир через грязное окно и скорее смотрели на захватанное стекло, чем сквозь него, — выпучились на его изможденном угловатом лице. В считанные дни он потерял по меньшей мере три зуба.

Каждую ночь он ускользал к своему укрытию. Однажды Хокан оказался неподалеку и видел, как он сдвигает плоский камень над ямой и складывает в нее добычу дня. Затем какое-то время так и сидел, вглядываясь в яму. Потом он вернул камень на место, забросал песком и галькой, стащил штаны и опростался на него.

Откладывать вылазку в город уже было невозможно. Они нуждались в припасах первой необходимости